

А. Чайковский

Северный компас

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. Чайковский

Северный компас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72011584

SelfPub; 2025

Аннотация

«Северный Компас» А. Чайковского: ледяные воды Белого моря и обломки корабля для Артёма Орлова – лишь зеркало душевной бури, разорвавшей его мир предательством близкого в сентябре 99-го. Дрейфуя, он заново переживает внутренний крах.

Выживание героя связано с прошлым: он матрос-срочник на Северном флоте конца 90-х, где коррупция, жестокие флотские «традиции» и «дедовщина» – неписанный закон. Здесь ломаются души в безжалостной мясорубке, человечность – дефицит.

Это нелегкое чтение. Жесткая, пронзительная проза о взрослении поневоле, цене ошибок, и о том, что страшнее стихии – человек. Холод предательства леденит сердце. Для тех, кто не боится правды, ценит честные истории о силе, слабости и попытке подняться. Книга заставит задуматься, ощутить вкус соли на губах – от морских брызг или слёз.

В истории – соль и кровь реальной жизни, но все имена изменены. Совпадения случайны, как волны о скалы.

А. Чайковский

Северный компас

Глава 1: Сентябрь на Белом Море

Тысяча девятьсот девяносто девятый год от Рождества Христова. Сентябрь, месяц, когда Север уже начинает дышать первым холодом, словно старый волк, пробующий ветер перед зимней охотой. Белое море, беспокойное, вечно седое, раскинуло свои студёные объятия, и на десятки миль вокруг не видать ни клочка суши, лишь свинцовые волны да низкое, хмурое небо.

На этой безбрежной могиле, словно шрамы на лице великана, чернели останки российского военного корабля, некогда грозной крепости, а ныне – лишь жалких, дымящихся обломков. Топливо, вырвавшееся из пробитых баков, догорало на поверхности воды рыжими, зловещими языками, и едкий дым стелился над волнами, смешиваясь с соленым морским туманом. Трупы, распухшие, безмолвные, качались на волнах, словно страшные буи, отмечая место трагедии, а масляные пятна, черные, как сама смерть, расползались по воде, предвещая гибель всему живому.

И вот, среди этого хаоса, на одном из крупных кусков искореженного металла, что еще держался на плаву, подобно последнему листу на осеннем дереве, шевельнулась жизнь. Пришел в себя, вырванный из объятий беспамятства, Артём

Орлов, двадцатилетний матрос-срочник, вчерашний мальчишка, брошенный судьбой в самое пекло. Лицо его, покрытое сажей и мазутом, было страшно обожжено, тело – сплошная кровоточащая рана, а из искалеченной руки, словно жуткий трофей, торчал зазубренный обломок металлической трубы.

Он разлепил веки, и мутный взгляд его, пробиваясь сквозь масляную пленку, что застилала лицо, блуждал по этому аду, не находя опоры, не узнавая ничего. Кто он? Где он? Как он здесь очутился? Вопросы бились в его воспаленном мозгу, словно птицы в клетке, но ответов не было. И тогда из груди его вырвался крик – дикий, отчаянный, полный ужаса и боли. Он кричал, взывая к небу, к морю, к людям, но в ответ – лишь молчание волн да шепот ветра, перебирающего останки корабля. Не было вокруг ни единой живой души, и скоро голос его сорвался, перейдя в хриплое, бесильное сипение.

Сознание его было подобно разбитому компасу, стрелка которого металась из стороны в сторону, не находя верного направления. Он то проваливался в черную бездну беспомощности, то вновь выныривал на поверхность, терзаемый болью и ужасом. И в эти краткие мгновения забвения, словно на экране старого синематографа, перед ним проносились обрывки прошлого – события, что неумолимо, шаг за шагом, вели его к этой страшной развязке, к этому ледяному одиночеству посреди мертвой воды.

Очнувшись от очередного забытья, охрипший, обессиленный, Артём с трудом поднялся на дрожащих руках. Инстинкт самосохранения, самый древний и самый могучий из всех инстинктов, гнал его вперед. Он должен был что-то предпринять, найти хоть что-нибудь, хоть кого-нибудь, что могло бы подарить ему надежду на спасение. Озираясь вокруг, он заметил, что волны прибили к его обломку еще несколько кусков искореженного металла. Собрав последние силы, он попытался перебраться на более крупный из них, надеясь найти там что-то полезное или, быть может, другого выжившего. Но едва он сделал несколько неуверенных движений, как тяжелый, качнувшийся на волне обломок ударил его по голове. В глазах потемнело, и он вновь рухнул в спасительное небытие.

Глава 2: Призрак Прошлого

И вот уже не ледяные волны Белого моря качают его, а пыльная дорога под ногами, и не крики чаек над головой, а гул родного города. Мы переносимся в самое начало этой истории, в год тысяча девятьсот девяносто седьмой. В руках Артёма – повестка, казенный листок бумаги, что сулит ему два года службы на флоте. Смешанное чувство гордости и некоторой тревоги владеет им, когда он подходит к военкомату – старому, деревянному двухэтажному зданию, хранящему в своих стенах истории тысяч таких же, как он, мальчишек, уходивших отсюда мужчинами.

Он входит в просторный зал для собраний. Низенькая

сцена-подиум в одном конце, а перед ней – ряды старых деревянных стульев с откидными сиденьями, точь-в-точь как в допотопном кинотеатре, намертво прикрученных к полу. Вместе с другими призывниками ему выдают какие-то бумаги – анкеты с довольно провокационными, на его взгляд, личными вопросами. Артём, с юношеским пафосом и некоторой бравадой, заполняет их. Не вчитываясь в содержание анкеты, он твёрдой рукой выводит напротив одной из граф: «В порочащих себя действиях не участвовал». Однако, отдавая этот документ суровой на вид женщине из комиссии, он невольно смущается, чувствуя ее пронзительный взгляд.

Глава 3: Хмельная Бравада

Получив заветный военный билет – красную книжечку, символ нового этапа в жизни, – Артём выходит на улицу и тут же встречает старых приятелей. Всего полгода назад они вместе грызли гранит науки в ДОСААФ, постигая премудрости вождения военных грузовиков. Радость встречи, предвкушение близкой разлуки и общее волнение перед неизвестностью – все это смешивается в один бурный поток эмоций. И, конечно же, как не отметить такое событие? Друзья наперебой приглашают его в ближайший бар – пропустить по стаканчику за встречу, за будущую службу, за то, что они снова вместе, пусть и ненадолго.

Бар гудел, как растревоженный улей. Пиво лилось рекой, и языки развязывались, словно шнурки на промокших ботинках. Артём, уже изрядно поддатый, сидел напротив пар-

ня по кличке Бура – здоровяка, с которым они вместе пыхтели над карбюраторами в автошколе. Водка сделала свое дело: границы стирались, и казалось, что нет на свете человека роднее и ближе.

– Слышь, Орлов, – Бура хлопнул Артёма по плечу так, что тот едва не вылетел из-за стола, – А помнишь, как ты на «Зиле» с инструктором по вождению парковался задом и вписался в левый передний бок того «КамАЗа»? Ха! А на следующий день ученик с инструктором того самого «КамАЗа» выезжают с парковки, тормозят, включают заднюю – и аккурат в вас! Специально. Такая продуманная месть – почти художественная! Да, были времена! А сейчас – армия... Как оно там будет, а?

– Да нормально будет, не ссы, Орлов! – Бура грохнул кулаком по столу. – Главное – себя в обиду не давать, понял? А то сожрут с потрохами. Тут, на гражданке, тоже, знаешь, не всё гладко. У меня тут один... хмырь... – Бура нахмурился, и добродушное выражение на его лице сменилось звериным оскалом. – В общем, есть один гаденыш, кровь мне портит. Хочу с ним потолковать по-мужски. Поедешь со мной, поможешь, если что? Вдвоем-то оно сподручнее, сам понимаешь.

Артёму, распаленному алкоголем и чувством товарищества, долго думать не пришлось. Что там за хмырь, какая разница? Друг просит – значит, надо помочь.

– Да без базара, Бура! Поехали, покажем этому... козлу... где раки зимуют!

Они вывалились из бара на улицу. Конец сентября радовал последними солнечными днями, но воздух уже был по-осеннему свеж и бодрящ. Морозный день придавал их пьяной решимости еще больше дерзости и уверенности в собственной безнаказанности. Запрыгнув в дребезжащий автобус, они покатали в центр города.

Целью их был не какой-нибудь злачный притон, а обычная городская школа. Два пьяных, пышущих агрессией молодых человека прошагали мимо пожилой вахтерши, которая проводила их настороженным взглядом, но почему-то промолчала, не решившись преградить им путь. Поднявшись на второй этаж, они обнаружили, что школа пуста – уроки давно закончились, и лишь гулкая тишина коридоров отвечала на их шаги.

Зайдя в туалет по малой нужде, они вышли, и тут Бура, проходя мимо закрытой двери класса географии, с силой дернул за ручку. Он дернул так, что хлипкая дверь не выдержала и с треском вылетела вместе с коробкой, обнажив перед ними пустое помещение. Словно два варвара, ворвавшиеся в захваченный город, они ринулись внутрь и принялись рыскать по шкафам. Контурные карты, атласы, классные журналы – все это летело на пол. Набрал полные охапки этого бумажного хлама, они уже собирались уходить, как в дверях появилась учительница из соседнего класса, привлеченная шумом.

Увидев разгром и двух незваных гостей, она подняла ис-

тошный крик: «Грабят! Географию грабят!» Артём, не долго думая, швырнул свою охапку карт прямо в вопящую учительницу, и оба приятеля бросились наутек. Вниз по коридору, кубарем по лестнице, к выходу.

Внизу их уже поджидала та самая вахтерша. Бура, высокий и крепкий, просто оттолкнул ее в сторону, и старушка не посмела ему сопротивляться. Но когда настал черед Артёма, она, видимо, решила проявить принципиальность и попыталась преградить ему путь своим телом, раскинув руки, словно вратарь, защищающий ворота. Артём, не сбавляя скорости, разбежался и прыгнул прямо на нее. Вахтерша от неожиданности отпрянула в сторону, а Артём, пролетая мимо, вскинул руку и с размаху ударил по электронному табло часов, висевшему над аркой выхода. Пластмассовый корпус разлетелся на куски, цифры погасли.

Выскочив на улицу, они неслись прочь, задыхаясь от смеха и переполняющего их адреналина. Чувство полной безнаказанности пьянило их сильнее любой водки.

Глава 4: На Скользкой Дороге

Вылетев из школы, словно два ошпаренных кота, они оказались прямо на проезжей части. Мимо них, неторопливо урча двигателем, двигалась старенькая «шестерка» – ВАЗовская классика, за рулем которой сидел самый обычный, ничем не примечательный мужик. Не сговариваясь, Артём и Бура бросились к машине, отчаянно размахивая руками, пытаясь ее остановить. Водитель, увидев двух явно нетрезвых

и возбужденных парней, притормозил на ближайшем перекрестке, видимо, решив выяснить, в чем дело.

И тут началось представление. Ребята, перебивая друг друга, принялись умолять водителя отвезти их домой, в их родной район. Денег у них было кот наплакал – рублей пятьдесят, может, чуть больше, что по тем временам едва ли тянуло на десять долларов. А район их был на самой окраине, ехать туда предстояло через весь город. Но напор, с которым они упрашивали, был поистине неудержим.

Артём, в пьяном кураже, переплюнул самого себя. Он просунулся по пояс через открытое пассажирское окно прямо в салон машины, так что его ноги болтались снаружи, и, сложив ладони лодочкой, с самым жалостливым выражением на лице, принялся чуть ли не со слезами на глазах умолять водителя: «Братишка, выручай! Ну, пожалуйста, отвези! Мы заплатим, всё, что есть, отдадим! Ну, войди в положение, не бросай пацанов на произвол судьбы!»

Водитель, ошарашенный таким напором и, видимо, не привыкший к столь экспрессивным просьбам, несколько мгновений сидел молча, переводя взгляд с одного «пассажира» на другого. Вид Артёма, торчащего из окна с молитвенно сложенными руками, был настолько комичен и одновременно трогателен, что мужик, вздохнув, не смог устоять. Он махнул рукой, мол, садитесь, и согласился их подвезти. Такой натиск сломил бы и более черствого человека.

С победными криками и хохотом они ввалились на заднее

сиденье «шестерки». Дверцы захлопнулись, и машина, плавно тронувшись с места, уносила их прочь от школы, от разгромленного класса географии и от последствий их безумной выходки. На улице уже ощутимо подмораживало, сентябрьский вечер дышал первым ледком, но в салоне старенького ВАЗа было тепло, даже жарко от работающей печки.

Разморенные теплом и вновь нахлынувшим алкогольным дурманом, ребята расслабились. Пьяная удаль, казалось, не знала границ. Бура, откинувшись на сиденье, наклонился к Артёму и почти шепотом, так, чтобы не услышал водитель, спросил, хитро прищутив глаз:

– Слышь, Орлов, а ты где живешь-то?

– На Логинова, дом три, – так же тихо ответил Артём, еще не догадываясь, к чему клонит его приятель.

Бура усмехнулся, и в его глазах блеснул недобрый огонек.

– Тогда едем на Логинова, тридцать три, – произнес он, едва заметно кивнув в сторону водителя.

Намек был более чем прозрачен. На улице Логинова, в их районе, отродясь не было больше двенадцати домов. Тридцать третий номер – это был явный код, сигнал к действию. И Артём, несмотря на хмель в голове, мгновенно понял, что задумал Бура. «Логинова, тридцать три» означало, что они едут не домой, а на самую глухую окраину, где их никто не увидит и не услышит. И там, на этой окраине, они собирались «отжать» машину у доверчивого водителя. Отнять то самое средство передвижения, что так любезно увозило их

от расплаты.

Прошло каких-нибудь полчаса, и «шестерка», пропыхтев через весь город, въехала в знакомые до боли улицы их района. Водитель, притормаживая, обернулся:

– Ну, куда тут, мужики?

Бура, не моргнув глазом, указал налево, на узкую, разбитую дорогу, уводившую в самый глухой тупик, на край света, где городские огни уже не могли разогнать сгущавшуюся тьму. Они доехали до самого последнего, сиротливо стоявшего дома.

Глава 5: Точка Невозврата

– Всё, приехали, – объявил водитель, но мотор не глушил, ожидая, когда его беспокойные пассажиры покинут салон. Он явно хотел поскорее избавиться от этой пьяной компании и вернуться к своим делам.

Но ребята не спешили выходить. Бура, расплывшись в благодарной улыбке, хлопнул водителя по плечу:

– Спасибо, братуха, выручил! Ты это, подожди минутку, я сейчас сгоняю домой, еще денегат принесу, за беспокойство. Негоже так, за копейки катать.

С этими словами бросив Артёму: «Сиди здесь», Бура выскочил из машины и скрылся в подъезде ближайшего дома. Водитель, несколько удивленный таким поворотом, но, видимо, не заподозривший подвоха, остался сидеть за рулем, а Артём – на заднем сиденье. Повисла напряженная пауза, в которой тиканье работающего на холостых оборотах двига-

теля казалось оглушительным.

Через несколько минут Бура вернулся. Подойдя к машине, он, однако, не спешил платить. Вместо этого он распахнул водительскую дверь и с обманчивой вежливостью предложил водителю выйти, мол, поговорить надо, пару слов буквально.

Водитель, до этого момента сохранявший относительное спокойствие, заметно насторожился. Он инстинктивно потянулся к ремню безопасности и пристегнулся – всю дорогу он ехал, пренебрегая этой мерой предосторожности.

– Зачем? – спросил он, и в его голосе послышались нотки тревоги.

– Я не хочу, чтобы он, – Бура кивнул в сторону Артёма, сидевшего на заднем сиденье, – слышал наш разговор. Дело сугубо личное.

Водитель занервничал еще больше. Его глаза забегали, руки крепче сжали руль. Артём, наблюдавший эту сцену сзади, понял, что план Буры – выманить водителя из машины – провалился. Мужик явно не собирался покидать свое убежище.

Тогда Артём, не выдержав, распахнул свою дверь и выскочил наружу со словами:

– Ну, кто так разводит, Бура?!

– Сиди в машине, я сказал! – рывкнул Бура, но Артёма было уже не остановить.

Он обошел машину, рывком распахнул водительскую

дверь, оттолкнув Буру, и нависнув над оцепеневшим от ужаса водителем, принялся наносить ему короткие, злые удары в голову. Спинка водительского сиденья под тяжестью ударов откинулась назад, но Артём, вошедший в раж, не оставивался, продолжая молотить свою жертву.

В отчаянной попытке спастись водитель, извиваясь под градом ударов, отпустил педаль тормоза и вдавил газ в пол. Машина рванула вперед. Теперь картина была еще более дикой: водитель лежал на откинутаом сиденье, сверху на нём сидел Артём и продолжал его избивать, а Бура, не успевший запрыгнуть в салон, повис на открытой водительской дверце, и они все вместе неслись по двору, прямиком на припаркованный там черный джип «Чероки». В те смутные времена на таких машинах ездили не простые смертные, а люди, мягко говоря, серьезные, с которыми шутки были плохи.

Артём, мельком повернув голову, увидел стремительно приближающийся джип и, на мгновение опомнившись, крикнул водителю, всё еще не прекращая наносить удары:

– Стой! Мы сейчас в джип врежемся!

Испуганный водитель, повинувшись скорее инстинкту, чем приказу, резко нажал на тормоз. Машина встала как вкопанная, едва не коснувшись бампером блестящего крыла «Чероки». Эта остановка и решила его судьбу. Не успел он перевести дух, как его, словно мешок с картошкой, перебросили на заднее сиденье. Артём тут же сел рядом, чтобы контролировать пленника и не дать ему сбежать. А Бура, отряхнув-

шись, с довольной ухмылкой уселся за руль. Машина была в их руках.

Однако радость от захваченной добычи была недолгой. Взглянув на приборную панель, Бура выругался – стрелка указателя уровня топлива почти лежала на нуле. Бензина в баке едва хватало, чтобы доехать до ближайшей заправки. Делать нечего, пришлось менять маршрут.

Пока они катили к спасительным колонкам, Артём, сидевший на заднем сиденье рядом с плененным водителем, не унимался. Пьяная злоба и чувство вседозволенности требовали выхода. Он еще пару раз чувствительно приложился кулаком к голове несчастного мужика и потребовал вывернуть карманы. Водитель, уже сломленный и перепуганный, безропотно подчинился. Но, к разочарованию Артёма, в карманах его, кроме того самого полтинника, которую они сами же ему и заплатили за проезд, больше ничего не оказалось. Видимо, это были единственные деньги, что имелись у бедолаги.

Наконец, они добрались до заправки. Заправочные колонки здесь стояли на своеобразном помосте, возвышаясь над основной дорогой. Бура, недолго думая, подрулил к самой дальней из них, той, что была в тени. Остановившись, он распахнул водительскую дверь настежь, так что она едва не касалась колонки, и, оглядев доступные пистолеты, спросил у водителя, каким бензином тот обычно заправляет свою «ласточку».

– Семьдесят шестым, – едва слышно пробормотал води-

тель.

Но колонка с 76-м бензином, как назло, оказалась позади машины. Бура, не закрывая двери, включил заднюю передачу и резко дал назад. Асфальт, на котором стояла машина, был значительно ниже, чем бетонный постамент с колонками. В результате этого неосторожного маневра нижняя часть распахнутой водительской двери с мерзким скрежетом зацепилась за край постамента. Металл скривился, дверь деформировалась, издав протяжный стон.

Кое-как заправив машину, ребята попытались закрыть водительскую дверь, но она уже не поддавалась. Пришлось захлопнуть ее сильным ударом ноги. Больше эта дверь не открывалась, и отныне, чтобы попасть на водительское сиденье, Буре приходилось всякий раз карабкаться через пассажирскую дверь, что добавляло их и без того сомнительному предприятию еще больше абсурда.

Глава 6: Безумная Гонка

Залив в бак те самые пятьдесят рублей, что отняли у водителя – а это было от силы три, может, пять литров бензина, – пьяная компания, вместе со своим невольным «пассажиром», вновь двинулась в путь. Этого мизерного запаса топлива едва ли хватило бы надолго, но об этом никто из них пока не задумывался.

Они вернулись к тому самому дому, у подъезда которого Бура инсценировал поиск денег. Там их уже поджидал третий – тот самый приятель, к которому заходил Бура. Не зада-

вая лишних вопросов, он плюхнулся на переднее пассажирское сиденье, даже не потрудившись обернуться и посмотреть, кто там сидит сзади. Видимо, был в курсе событий или просто не придавал значения новой компании.

Теперь их путь лежал в ДОСААФ – тому самому третьему нужно было на какие-то вечерние занятия. Осень уже вступила в свои права, и сумерки сгустились быстро, превратив вечер в настоящую ночь. Вдобавок ко всему, небо разверзлось, и на город обрушился холодный, промозглый дождь.

Бура, сидя за рулем угнанной «шестерки», возомнил себя гонщиком Формулы-1. Он гнал по шоссе, где с каждой стороны было по две полосы движения, не обращая внимания ни на знаки, ни на других участников движения. Дорога, мокрая от дождя, блестела в свете фар, а впереди, у светофоров, уже начали скапливаться пробки – машины выстраивались в длинные, неподвижные колонны.

Но Буру это нисколько не смущало. Когда на его пути в очередной раз выросла стена из автомобилей, он, не задумываясь, вывернул руль влево и выскочил на вторую полосу. Проехав немного вперед, он уперся в новую пробку. Тогда, не моргнув глазом, он совершил еще более отчаянный маневр – вылетел на встречную полосу, по которой, сигналижая мигая фарами, неслись ничего не подозревающие автомобили.

Чтобы избежать лобового столкновения, Бура притерся вплотную к ряду машин, стоявших в пробке на его быв-

шей полосе. С оглушительным скрежетом металла о металл, под аккомпанемент отлетающих зеркал заднего вида – тунк, тунк, тунк! – он продолжал свое безумное движение вперед, продираясь сквозь затор, словно ледокол сквозь арктические льды.

Пролетев таким образом перекресток на красный свет, он резко свернул в какую-то темную аллею, затем дворами, петляя и путая следы, и вот, наконец, они оказались у ворот ДОСААФа.

У ворот ДОСААФа, несмотря на поздний час и мерзкую погоду, толпилась ватага молодых парней – все сплошь ученики, ожидавшие начала занятий. Наши герои, с видом заправских гангстеров, подкатили на своей «шестерке» прямо к этой толпе, заглушив мотор так, чтобы произвести максимальный эффект.

Артём и Бура картинно вышли из машины, закурили, небрежно стряхивая пепел на мокрый асфальт. В салоне, съёжившись на заднем сиденье, остался лишь избитый, перепуганный водитель. Пацаны из толпы, естественно, тут же заинтересовались неожиданно появившейся «тачкой». Один из них, самый смелый, подошел и, с завистью оглядывая машину, попросил прокатиться.

– Конечно, катайся, братан! – великодушно разрешил Артём, изображая из себя хозяина положения. – Только я сзади с водителем сяду, а то, знаешь, может сбежать, нервный он какой-то.

Пацан, сияя от восторга, плюхнулся за руль и, газанув так, что старенькая «шестерка» чуть не развалилась, дал круг почета вокруг здания ДОСААФа. Он был так увлечен неожиданной возможностью порулить, что совершенно не обращал внимания на то, что происходит на заднем сиденье, где Артём бдительно следил за своей жертвой.

Вернувшись к главному входу, пацан неохотно покинул водительское место, все еще находясь под впечатлением от поездки. Вскоре прозвенел звонок, призывая учеников на занятия, и толпа у ворот быстро рассосалась. У машины остались только Бура, Артём и их пленник.

Что делать дальше, они, похоже, не знали. План угона был выполнен, но что теперь делать с машиной и, главное, с водителем, было совершенно неясно. Когда они снова садились в «шестерку», водитель, видимо, решив, что это его последний шанс, предпринял отчаянную попытку выскочить из машины. Но тут же получил несколько увесистых тумаков по голове от Артёма и, застонав, снова обмяк на сиденье. Больше он не пытался бежать. Смирившись со своей участью, он молча наблюдал, как его похитители, так и не придумав ничего лучше, снова отправились в свой район, увозя его все дальше от надежды на спасение.

Когда они снова оказались в своем районе, Бура, похоже, уже успел несколько протрезветь. Адреналин от гонок и чувство пьяной удали понемногу выветривались, уступая место запоздалому пониманию того, что они натворили. Они вы-

шли из машины, оставив ключи в замке зажигания – то ли по забывчивости, то ли уже не придавая этому значения.

Бура, пытаясь, видимо, запугать водителя и заставить его молчать, начал разыгрывать из себя страшного бандита, члена какой-то мифической ОПГ. Он грозно вещал о том, что если водитель посмеет заявить в «ментовку», то его «банда» непременно найдет его и жестоко расправится не только с ним, но и со всей его семьей.

Но Артём, которого алкоголь еще не отпустил, не собирался так просто расставаться с добычей. Он понял, что Бура клонит к тому, чтобы отпустить водителя, и это ему совершенно не понравилось. Недолго думая, он рванулся к машине, намереваясь угнать ее уже в одиночку. Он успел запрыгнуть за руль, вдавить педаль газа и тронуться с места.

Однако Бура, несмотря на свое кажущееся спокойствие, оказался начеку. Он догнал медленно набирающую скорость «шестерку» и, просунув руку в салон (замок зажигания у ВАЗа располагался слева от руля), выдернул ключи прямо из замка. Машина, дёрнувшись, заглохла.

Бура, с мрачным видом, бросил ключи ошеломленному водителю, словно говоря: «Забирай свою развалюху и проваливай». Артём, выбравшись из машины, с досадой оглядел ее. Состояние «шестерки» было плачевным: водительская дверь, та самая, что они с силой захлопнули ногой на заправке, была безнадежно смята и теперь уже не открывалась, один бок исцарапан до металла, фара разбита, бамперы

треснуты. Вид у нее был такой, будто она побывала в серьезной переделке, что, в общем-то, и соответствовало действительности.

Глава 7: Бегство в Армию

Поняв, что дальнейшие приключения с этой машиной им не светят, ребята, не сговариваясь, шмыгнули в ближайший темный переулок и, быстро попрощавшись, разошлись по домам. Пьяный угар еще не до конца выветрился из их голов, и полное осознание содеянного, тяжесть глупостей и неотвратимость расплаты еще не успели обрушиться на их молодые, бесшабашные головы. Пока что это было лишь смутное, едва уловимое беспокойство, которое легко заглушалось остатками алкогольного куража и юношеской уверенностью, что всё как-нибудь обойдется.

Утро следующего дня обрушилось на Артёма всей тяжестью похмелья – голова раскалывалась, во рту стоял отвратительный привкус вчерашнего веселья, а тело ломало так, словно его всю ночь били палками. Сквозь мутную пелену головной боли, словно кадры дурного сна, начали проступать воспоминания о вчерашних «подвигах». Школа, разгромленный класс, избитый водитель, безумная гонка по ночному городу...

По мере того как память восстанавливала картину вчерашнего дня, лицо Артёма становилось всё мрачнее. Пьяный кураж улетучился без следа, оставив после себя лишь липкий, тошнотворный страх. Мысль о том, что его теперь

ищут, что за ним вот-вот придут, вцепилась в него, как клещ. Он боялся даже подойти к окну, не говоря уже о том, чтобы выйти на улицу. Каждый шорох за дверью, каждый звук проезжающей машины заставлял его вздрагивать и замирать в ожидании неминуемой расплаты. Дом, еще вчера казавшийся надежной крепостью, теперь превратился в ловушку, из которой не было выхода.

Две недели Артём провел, словно узник в собственной квартире. Страх парализовал его волю, и единственным спасением от гнетущих мыслей казалась предстоящая служба в армии. Если раньше мысль о двух годах вдали от дома и привычной жизни вызывала у него смешанные чувства, то теперь армия представлялась ему единственным возможным убежищем, шансом скрыться от последствий своих безрассудных поступков.

Пусть другие боялись этого дня, дня призыва, но не Артём. Он ждал его с нетерпением, как никто другой. Два года вдали от дома, от тех мест, где он натворил дел, казались ему избавлением. Он мечтал сменить обстановку, затеряться среди сотен таких же, как он, новобранцев, и, главное, избавиться от той самой одежды, что была на нём в тот злополучный день – одежды, которая, как ему казалось, хранила на себе следы его преступлений и могла стать уликой против него. Армия стала для него не долгом, а последней надеждой на спасение, возможностью начать всё с чистого листа, оставив позади ошибки прошлого.

Глава 8: Возвращение в Лед

Холод, пронизывающий до самых костей, и резкая, пульсирующая боль вернули Артёма из глубин забвения. Он снова лежал на обломке корабля, качаясь на свинцовых волнах Белого моря. Память, словно прояснившееся после бури небо, вернула ему его имя, его прошлое, но туман по-прежнему скрывал события, приведшие его сюда, в этот ледяной ад.

Кто он – Артём Орлов, двадцатилетний матрос, – он теперь знал. Но как он оказался здесь, среди обломков и трупов, посреди бушующего моря? Этого он вспомнить не мог.

Собрав последние остатки сил, он огляделся. Вокруг – лишь безрадостная картина разрушения и смерти. Но инстинкт выживания, этот неистребимый огонек жизни, еще теплился в нём. Он должен был что-то предпринять, найти хоть что-нибудь, что могло бы помочь ему продержаться.

Первым делом – раны. С трудом содрав с себя остатки промокшей, пропитанной мазутом одежды, он, морщась от боли, перевязал самые глубокие порезы и ссадины. Затем его взгляд упал на обломок металлической трубы, все еще торчавший из его искалеченной левой руки. Это была не просто помеха, это был источник нестерпимой боли и угроза заражения. Стиснув зубы до скрипа, он ухватился за холодный металл здоровой рукой и резким, отчаянным движением выдернул его из раны. Боль пронзила его, как удар молнии, в глазах потемнело, и он вновь рухнул в спасительную тьму беспомощности.

Глава 9: Мосты в Прошлое

И снова – скачок во времени. Уже не ледяные волны, а душная комната в родительском доме. Он снова там, в тех мучительных днях ожидания, когда армия казалась ему единственным спасением. Дни тянутся бесконечно долго, наполненные страхом и надеждой. Он ждет дня отправки, как ждут приговора или помилования, не зная, что из этого окажется для него лучшим исходом.

В преддверии неизбежной разлуки, мать Артёма, как и положено всякой любящей матери, устроила прощальное застолье. Стол ломился от яств, словно пытаясь скрасить горечь расставания и вселить в сына уверенность в благополучном будущем. Артём, стараясь казаться бодрым и беззаботным, позвал на этот пир своих друзей – одноклассников, ребят со двора, с которыми он вырос, и, конечно же, свою подругу, девушку, к которой он питал нежные чувства.

Вечер прошел в шумном веселье. Говорили тосты, вспоминали забавные случаи из прошлого, строили туманные планы на будущее. Выпили, конечно, немало – как же без этого на проводах в армию? Когда гости начали расходиться, Артём вызвался проводить свою девушку домой.

Простившись с ней у подъезда, он не спешил возвращаться. Ночь, тишина, редкие фонари, освещающие пустынные дворы... Что-то щелкнуло в его голове, какая-то непонятная, беспричинная злость или, может быть, просто накопившееся за эти недели ожидания и страха напряжение требовало

выхода. Проходя мимо рядов припаркованных машин, он, словно одержимый какой-то темной силой, начал отрывать у них зеркала заднего вида. Одно, другое, третье... Он не мог остановиться, пока не набрал целую охапку этих блестящих, никому не нужных трофеев.

Вернувшись домой, где его еще дожидались самые стойкие из друзей, он с каким-то диким, непонятным даже ему самому торжеством вывалил свою добычу прямо на диван. Зеркала, отражая тусклый свет лампы, смотрели на него пустыми, стеклянными глазами. Друзья удивленно переглянулись, но ничего не сказали – мало ли какие причуды бывают у человека перед армией.

Потом эти зеркала еще долго валялись в коробке на шкафу, покрываясь пылью. Никакой выгоды, никакой практической цели в этом бессмысленном вандализме не было. Это был просто еще один штрих к портрету молодого человека, мечущегося, потерянного, не знающего, куда приложить свою неумную, разрушительную энергию, и подсознательно стремящегося оставить после себя хоть какой-то след, пусть даже такой нелепый и уродливый.

Глава 10: Порог Неизвестности

Рассвет едва забрезжил над городом, окрашивая небо в холодные, предрассветные тона, когда Артём, сопровождаемый матерью и отчимом, уже трясся в дребезжащем автобусе, направляясь на призывной пункт. Настал тот самый день – первый шаг в армейскую жизнь. Артём ждал его с тревож-

ным нетерпением: всё, что раньше казалось лишь словами, теперь становилось реальностью.

У массивных, казенного вида дверей призывного пункта они расстались. Короткие, сбивчивые слова прощания, материнские слезы, скупое мужское рукопожатие отчима – и вот Артём уже шагнул за порог, в неизвестность.

Внутри его встретило гудящее, как растревоженный улей, помещение, до отказа набитое такими же, как он, призывниками. Воздух был тяжелым от табачного дыма, перегара и непередаваемой смеси запахов молодости, страха и пьяной удачи. Военные в форме, с усталыми, ничего не выражающими лицами, пытались внести хоть какой-то порядок в этот хаос, но получалось у них это плохо.

Артём, обладавший природной коммуникабельностью, быстро освоился в этой пестрой толпе. Заводил знакомства, травил байки, бегал курить в насквозь прокуренный туалет и, конечно же, не отказывался от предложенной выпивки. Водка, неведомо как пронесенная сюда, лилась рекой, помогая скоротать время и заглушить тревожные мысли.

Каждые четыре часа эту разгоряченную, галдящую толпу выводили на огороженный плац на заднем дворе. Их строили в неровные шеренги, и офицер монотонным голосом зачитывал фамилии, объявляя, кто и куда отправляется служить. Но забирали не всех сразу – лишь тех, чьи фамилии прозвучали. Остальные, потоптавшись на плацу, возвращались обратно в душное помещение, чтобы продолжить прерванное

«застолье». Выйти из призывного пункта было невозможно – двери охранялись, и никого не выпускали. Но предприимчивые ребята находили выход: чей-то брат или друг сновал под окнами, передавая заветные бутылки, которые потом поднимали наверх на импровизированных веревочках из связанных шнурков, через узкую форточку.

Так Артём провел целые сутки. Время, подстёгиваемое алкоголем и новыми знакомствами, пролетело незаметно. После короткого, беспокойного сна, его разбудил строгий окрик. За ним приехал офицер – суровый, подтянутый, настоящий морской волк. Он-то и отвез Артёма в учебку, где готовили будущих матросов Северного флота.

Здесь всё было по-другому. Строгая дисциплина, четкий распорядок, короткие, отрывистые команды. Артёму выдали новенькую флотскую форму – бушлат, тельняшку, бескозырку. А его старую, гражданскую одежду – ту самую, в которой он совершал свои безумные выходы, – без лишних слов забрали и отправили на уничтожение, словно сжигая мосты, ведущие в прошлое. Для Артёма это было знаковым событием – он наконец-то избавился от вещественных доказательств своих прегрешений, и ему показалось, что вместе с этой одеждой уходит и часть его страхов.

Глава 11: Уроки Выживания

Жизнь в учебке потекла по строго заведенному распорядку. Подъем, зарядка, завтрак, а затем – бесконечные часы муштры на плацу, отработка строевого шага до седьмого по-

та и зубрежка воинского устава, каждая статья которого, казалось, была написана кровью и потом поколений моряков. Кормили четыре раза в день: завтрак, обед, ужин и обязательный вечерний чай с куском хлеба, намазанным тонким слоем масла. Но порции были рассчитаны, видимо, не на растущие организмы, измученные физическими нагрузками, и Артём, как и многие его товарищи, постоянно чувствовал голод. За время учебки он заметно похудел, щеки ввалились, а форма висела на нём, как на вешалке.

Одним из обязательных ритуалов был ежедневный просмотр новостей. Ровно в восемь вечера всю роту, а это без малого триста человек, усаживали ровными рядами в казарме, на центральном проходе, так называемой «пролётке». Перед ними, на специально прикрепленной к потолку полочке, возвышался старенький телевизор, который и транслировал новости на Первом канале. Предполагалось, что будущие защитники Родины должны быть в курсе всех политических событий. Но на деле всё обстояло несколько иначе.

Как только на экране появлялась заставка новостной программы, по рядам, начиная с самых задних и докатываясь почти до первых, пробегала сонная волна. Матросы, измотанные дневными занятиями, один за другим опускали головы на плечи или спины впереди сидящих товарищей, и вскоре вся рота, за исключением нескольких самых стойких или самых боязливых, мирно посапывала, убаюканная монотонным голосом диктора. Это было настолько обычным делом,

что никто уже не обращал на это внимания.

Иногда, впрочем, проводились занятия по полит подготовке, где проверялись знания, полученные из этих самых новостей. И вот тогда-то Артёму, как и многим другим «спящим красавцам», приходилось несладко. Однажды его вызвали к доске. Замполит, строгий офицер в чине капитана второго ранга, с пронзительным взглядом, спросил, какие важные события в стране и мире он узнал из вчерашних новостей. Артём стоял, переминаясь с ноги на ногу, и мучительно пытался вспомнить хоть что-нибудь. В первых рядах сидели призывники из Москвы – ребята более бойкие и начитанные, – и они, не скрываясь, посмеивались над его замешательством.

– Ну, так что, матрос Орлов? Какие новости? – нетерпеливо повторил замполит.

– Я новости не смотрел, товарищ капитан второго ранга, – честно, хоть и с трудом, выдал из себя Артём.

Ему было невыносимо стыдно. Стоять перед всей ротой, чувствовать на себе сотни любопытных, а где-то и насмешливых взглядов, было хуже любого наказания. Он чувствовал себя полным ничтожеством, не оправдавшим доверия.

Вечером того же дня, подавленный и униженный, Артём стирал свои носки в умывальной комнате. В помещении, кроме него, был только один человек – крепкий, черноволосый парень, дагестанец, сидевший на подоконнике и молча наблюдавший за ним. Артёму показалось, что и этот незна-

комец смотрит на него с осуждением, и от этого стало еще тошнее на душе. Он старался не встречаться с ним взглядом, сосредоточенно возя куском мыла по мокрой ткани.

После долгой, тягостной паузы дагестанец вдруг нарушил молчание.

– Молодец, – сказал он неожиданно спокойно, с легким акцентом. – Всё правильно сказал. Честно.

Артём удивленно поднял на него глаза. В словах дагестанца не было ни насмешки, ни осуждения, а лишь какое-то странное, почти одобрительное спокойствие. Эта неожиданная поддержка от незнакомого человека почему-то немного успокоила Артёма.

Несмотря на все тяготы и лишения учебной жизни, Артём и здесь умудрился завести новых друзей. Общие трудности, совместные наряды и редкие минуты отдыха сближали людей быстрее, чем годы мирной жизни. Они делились друг с другом последним куском хлеба, поддерживали в трудную минуту и вместе мечтали о том дне, когда закончится эта «муштра» и начнется настоящая служба. Ведь после учебки их ждало распределение по кораблям – по тем самым боевым единицам Северного флота, о которых они столько слышали и которые так стремились увидеть.

Глава 12: Первые Шаги по Палубе

Месяцы учебки, наполненные «муштрой» и «зубрежкой», пролетели, как один долгий, изнурительный день. И вот настал волнующий момент – распределение по кораблям. Мо-

лодых матросов, уже прошедших первую закалку, ожидали экипажи боевых кораблей Северного флота, базировавшихся на огромной северной морской базе.

За ними, новоиспеченными членами экипажа, прямо в казарму учебки пришел мичман – кряжистый, обветренный моряк с цепким взглядом и голосом, привыкшим перекрывать рев шторма. Он-то и повел их, эту небольшую группу вчерашних курсантов, на их новый дом, на их место постоянной службы – на борт огромного, пахнущего краской и металлом, боевого корабля. Для Артёма начинался новый, еще более сложный и непредсказуемый этап его флотской жизни.

Мичман, чеканя шаг по гулким трапам, провел молодых моряков в самое сердце корабля и построил их в узком коридоре мичманской палубы. Полумрак, тусклый свет редких ламп, запах металла, краски и чего-то еще, неуловимо-корабельного, – всё это давило, вызывало смешанное чувство трепета и беспокойства. Ребята стояли, сбившись в кучу, растерянные, немного напуганные, как котята, выброшенные в незнакомый, огромный мир. Их новенькая форма еще не успела пропитаться духом корабля, а лица хранили отпечаток недавней учебной жизни.

Судьба распорядилась так, что Артём попал на боевой корабль – настоящий морской гигант, сто восемьдесят метров в длину, с экипажем в двести пятьдесят душ. Правда, на момент прибытия Артёма корабль этот находился не в открытом море, а на ремонте, в доках судоремонтного завода.

Но от этого он не казался менее внушительным. Его стальной корпус, израненный, но не сломленный, возвышался над причалом, как спящий левиафан.

Из всей учебной роты Артёма, вместе с ним на этот корабль попало еще двадцать человек его призыва. Это было небольшим утешением – оказаться в незнакомой обстановке, но среди знакомых лиц, с которыми уже успел пройти огонь, воду и медные трубы учебной жизни.

Глава 13: Запах «Огурцов»

Мимо них, не обращая особого внимания на пополнение, с независимым видом проходили старослужащие – матросы, отслужившие уже полтора года, так называемые «годки». Эти уже были тертые калачи, познавшие все прелести и тяготы службы, и на новичков они смотрели свысока. Один из них, проходя мимо строя новобранцев, громко, так, чтобы все слышали, процедил с издевкой:

– Огурцами пахнет...

Несколько «годков» ухмыльнулись, поддержав шутку. Для них эти новички, еще не обтершиеся, не познавшие всех прелестей флотской службы, были действительно «огурцами» – зелеными, неопытными, вызывающими смесь презрения и снисходительного любопытства. Артём и его товарищи почувствовали себя еще более неудобно под этими оценивающими, насмешливыми взглядами. Первое знакомство с «дедовщиной» состоялось.

Новобранцев, это зеленое пополнение, пока не спешили

бросать в самое пекло корабельной службы. Их расселили по отдельным кубрикам, предоставив временную передышку перед грядущими испытаниями. Прежде чем заступить на свои боевые посты, им предстояло сдать серьезный экзамен – досконально изучить устройство этого плавучего города, каждую его палубу, каждый отсек, каждую жизненно важную систему.

Всем выдали увесистый талмуд – техническое описание корабля, напичканное схемами, чертежами и сложными терминами. На освоение этой «литературы» и подготовку к экзаменам им был дан месяц. Месяц, за который они должны были превратиться из растерянных «огурцов» в матросов, знающих свой корабль как свои пять пальцев. Только после успешной сдачи всех зачётов они могли рассчитывать на то, чтобы стать полноправными членами экипажа и занять свои места согласно боевому расписанию. А пока – зубрежка, бессонные ночи над схемами и смутное предчувствие того, что настоящая служба еще впереди.

На флоте, как и в любом замкнутом мужском коллективе, особенно армейском, царила своя, неписаная, но оттого не менее жесткая иерархия среди матросов срочной службы. Эта система, выстроенная на сроках службы, определяла положение каждого в корабельном мире, его права и обязанности, а зачастую и просто возможность спокойно дышать.

Те, кто только-только ступил на палубу, кто служил меньше шести месяцев, носили незавидное прозвище «караси».

Зеленые, неопытные, они были на самой низшей ступени этой лестницы, и на их долю выпадали самые грязные и тяжелые работы. Забавно, но «карасями» на флотском жаргоне называли еще и носки (одежда), что как бы намекало на невысокий статус их обладателей.

Прослужившие от шести месяцев до года уже считались «борзыми карасями». Они уже немного освоились, обтёрлись, но до полноправных членов «стаи» им было еще далеко. Они уже могли позволить себе некоторую вольность по отношению к «карасям», но перед «старшими» по-прежнему ходили по струнке.

Те, кто отмахал на службе от года до полутора лет, гордо именовались «годкáми». Это была уже серьезная сила, костяк срочной службы. Они знали все ходы и выходы, пользовались определенными привилегиями и держали в кулаке «молодых».

Ну а те счастливики, кто перевалил за полуторагодовалый рубеж, уже считались «дембелями». Их служба близилась к концу, они были почти небожителями, стоящими одной ногой на гражданке. К ним относились с уважением, их слово было законом, и они свысока посматривали на всю эту флотскую суету, мысленно примеряя гражданскую одежду и предвкушая скорую свободу.

Эта неформальная иерархия была основой взаимоотношений, и Артёму с его товарищами предстояло пройти все ее ступени, прежде чем они смогут почувствовать себя на

корабле если не хозяевами, то хотя бы полноправными его обитателями.

Вся эта сложная, на первый взгляд, иерархия, со своими прозвищами и сроками, на деле сводилась к одному простому и довольно циничному принципу: старшие заставляли младших выполнять всю самую грязную, тяжелую и неприятную работу. Это было банальное делегирование обязанностей, возведенное в ранг неписаного закона, освященного флотскими традициями.

«Караси» драили палубы и галюны, чистили картошку на камбузе, таскали тяжести и выполняли бесчисленные мелкие поручения «годков» и дембелей». «Борзые караси» уже могли переложить часть этой ноши на плечи свежеприбывших, но сами еще не были свободны от трудовой повинности перед старшими по сроку службы. «Годки» же, в свою очередь, уже почти полностью освобождались от физического труда, перепоручая его тем, кто стоял ниже в этой иерархической цепочке. Они лишь надзирали, раздавали указания и следили за тем, чтобы «молодые» не отлынивали от своих обязанностей.

Это была суровая школа жизни, где каждый должен был пройти через унижения и тяжелый труд, прежде чем заслужить право на более или менее сносное существование. И хотя внешне это могло показаться проявлением «дедовщины» в ее худшем виде, для многих это становилось своеобразной проверкой на прочность, закалкой характера, кото-

рая, как считалось, была необходима будущему моряку.

Шли дни, наполненные монотонной зубрежкой устройства корабля и хозяйственными работами, которые всё же перепадали на долю новобранцев. В один из таких обычных дней, когда Артём вместе с другими ребятами своего призыва драил палубу в продуктивном складе, к нему подошел один из «годоков». Этот старослужащий стоял на вахте дневальным по жилым помещениям, и в его обязанности, помимо прочего, входила уборка рубки дежурного по кораблю.

Подойдя к Артёму, «годок» не стал приказывать или требовать. Скорее, это прозвучало как просьба, почти по-товарищески:

– Слышь, карась, помоги по-братски, а? Рубку дежурного надо помыть, а у меня тут еще дел невпроворот.

Артём, еще не до конца вкусивший всех «прелестей» флотской иерархии и не видя в этой просьбе ничего зазорного, подумал: «А что такого? Помещение там небольшое, не переломлюсь». С энтузиазмом, свойственным молодости, он схватил тряпки и тазик с водой и направился в указанную рубку.

Но не успел он и приступить к работе, как в рубку заглянул старпом – старший помощник командира корабля, гроза всего экипажа. Увидев новобранца с тазиком и тряпкой, он сразу всё понял. Видимо, подобные «просьбы» от старослужащих были ему хорошо знакомы.

– Ты что здесь делаешь, матрос? – грозно спросил стар-

пом, и его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Пришёл помыть, товарищ капитан второго ранга, – растерянно пролепетал Артём.

– А ну-ка, марш отсюда! – рявкнул старпом, и Артём, не смея послушаться, пулей вылетел из рубки.

Вечером, на обязательном построении после вечерней проверки, когда весь экипаж стоял в строю, старпом вдруг вызвал Артёма:

– Матрос Орлов, выйти из строя!

Сердце у Артёма ухнуло куда-то в пятки. Он вышел и замер по стойке «смирно».

– Кто тебя заставил мыть рубку дежурного? – вкрадчиво, но с нескрываемой угрозой в голосе спросил старпом.

Артём понял, что это проверка. Сдать «годка» означало прослыть стукачом, «крысой», и тогда спокойной службы ему точно не видать. Поэтому, собрав всю свою волю в кулак, он ответил:

– Не помню, товарищ капитан второго ранга.

– Как это не помнишь? – удивился старпом, явно не ожидавший такого ответа. – Человек тебе приказывает, а ты его не помнишь?

– Он сзади подошел, я не посмотрел, кто это был, – нашелся Артём, стараясь говорить как можно убедительнее.

После этих слов по строю пронесся сдержанный смешок. Даже суровые лица офицеров тронула едва заметная улыбка. Ответ был настолько нелепым и одновременно находчи-

вым, что разрядил напряженную обстановку. Старпом, покачив головой, отпустил Артёма обратно в строй.

Глава 14: Испытание на Прочность

Позже, вечером, когда Артём, как и положено «карасям», драил галльон, он услышал за спиной перешептывание старослужащих. Они обсуждали его ответ старпому, и в их голосах слышалось нескрываемое одобрение. «Классный чувак», «не сдал», «наш пацан» – эти обрывки фраз долетали до него, и Артём понял, что прошел первую, но очень важную проверку на прочность и верность неписаным флотским законам. Это маленькое происшествие, возможно, и не сделало его «своим» в доску, но определенно добавило ему уважения в глазах старослужащих.

Жизнь «карася» на корабле была чередой бесконечных уборок, настоящей каторгой для не привыкших к такому объёму физического труда молодых организмов. Каждый божий день, едва рассвело, еще до утреннего построения, им предстояло надраивать до блеска полы в своих кубриках. Днём – уборка на своем боевом посту, где бы он ни находился, будь то пыльный трюм или продуваемая всеми ветрами палуба. А вечером, когда казалось, что силы уже на исходе, их ждал галльон – святая святых корабельной гигиены, требующий особо тщательного ухода.

Но апофеозом всего этого уборочного марафона была суббота. После завтрака и до самого обеда объявлялась «ПХД». Парко-хозяйственный день, генеральная убор-

ка всего корабля. Это было не просто мытье полов – это было священнодействие, ритуал, в котором участвовал весь экипаж, но основная тяжесть, конечно же, ложилась на плечи «молодых». Сама уборка была зрелищем особым: мыло крошилось в тазы, губками взбивалось в густую, обильную пену, которую затем щедро раскидывали по палубе. А дальше начинался настоящий флотский балет – матросы, босиком, словно катаясь на импровизированных коньках, скользили по этой мыльной пене, оттирая линолеум до скрипа своими голыми пятками. Губками и мылом драилось всё: не только стены, (переборки), но и подволоки (потолки на флотском жаргоне). Летом, или когда погода благоволила, к этому добавлялись еще и бескрайние просторы открытых палуб, которые нужно было отмыть от соли, сажи и прочих следов морской жизни.

Суббота была также днем большой стирки. Матросы стирали свои робы – рабочую одежду, – а затем развешивали ее сушиться в своих кубриках, на натянутых веревках, или в других укромных местах, где это не бросалось в глаза начальству, превращая на время жилые помещения в подобие влажных, пахнущих мылом пещер. И, конечно же, суббота была баннным днем. Возможность смыть с себя недельную грязь и усталость, почувствовать себя хоть на время чистым и свежим, была для «карасей» настоящим праздником, маленькой передышкой в бесконечной череде уборок и тяжелой работы.

Помимо нескончаемых уборок, на плечи «карасей» ложилось и выполнение непосредственных рабочих обязанностей, в зависимости от того, к какой боевой части (БЧ) или службе они были приписаны. У каждого была своя зона ответственности, свой участок работы, который требовал не только физических усилий, но и определенных знаний и навыков.

Так, «караси» из БЧ-5, электрики, занимались обслуживанием и ремонтом бесчисленных километров электросетей, пронизывающих корабль, следили за исправностью генераторов и распределительных щитов. Любая неисправность могла привести к серьезным последствиям, поэтому их работа требовала особой внимательности и аккуратности.

Те, кто попал в службу снабжения, отвечали за то, чтобы корабль был обеспечен всем необходимым: мылом, порошком, свежей одеждой, постельными принадлежностями. Они выдавали и принимали белье, следили за состоянием складов и вели учет материальных ценностей. И, конечно же, коки – те, кто трудился на камбузе, – с утра до ночи колдовали у раскаленных плит, чтобы накормить весь экипаж. От их сноровки и умения зависело настроение и боеспособность сотен людей.

Трюмные матросы отвечали за жизненно важные системы корабля: обеспечение пресной водой, работу отопления и исправность гальюнов. Их работа была незаметной, но от нее напрямую зависел комфорт и санитарное состояние все-

го корабля.

А матросы из СРБ – Службы радиационной безопасности – несли особую, ответственную вахту, контролируя радиационный фон на корабле, что было особенно важно на боевых единицах, имеющих на борту ядерное оружие или энергетические установки.

Таким образом, жизнь «карася» была наполнена не только мытьём палуб, но и вполне конкретными, зачастую сложными и ответственными задачами. И хотя старшие по-прежнему не упускали случая нагрузить их дополнительной работой, выполнение своих прямых обязанностей давало молодым матросам возможность проявить себя, научиться чему-то новому и почувствовать себя частью большого, слаженного корабельного механизма.

Глава 15: Флотский Распорядок

Суровый флотский быт начинался задолго до того, как первые лучи солнца касались холодных волн. Ровно в 06:00 раздавался пронзительный сигнал «Подъём!», вырывающий матросов из объятий сна, который, несмотря на свою краткость, наступал мгновенно. Молодые, измотанные за день матросы, едва коснувшись головой подушки в 22:00 после команды «Отбой!», проваливались в забытье, а команда «Подъём!» звучала так, будто прошла всего лишь секунда, оставляя чувство, что они и вовсе не спали. Никаких поблажек, никаких «еще пять минуточек» – служба не ждет.

Сразу после подъема – утренняя физическая зарядка. В

теплое время года она проходила на свежем воздухе, на верхней палубе, под прохладным морским ветерком. Но и суровая северная зима не была поводом для отмены этого ритуала. Даже когда за бортом трещал мороз в десять-пятнадцать градусов, зарядка проводилась на улице. Форма одежды при этом была спартанской: меховая шапка-ушанка, теплые рукавицы, штаны... и голый торс. Закалка тела и духа начиналась с первых минут дня.

После бодрящих упражнений – утренний туалет и заправка коек. Каждая койка должна была быть заправлена по строго установленному образцу, «по ниточке», без единой складки. Любое отступление от нормы каралось немедленным нарядом вне очереди.

В 06:30 начинался утренний осмотр и проверка личного состава. Это была строевая проверка, на которой проверялся не только внешний вид каждого матроса – чистота формы, аккуратность стрижки, наличие свежего подворотничка, – но и общая готовность к выполнению служебных обязанностей. Дежурный по кораблю докладывал командиру о наличии личного состава и происшествиях за ночь. В зимнее время, если погода позволяла, построение проходило на юте – кормовой части верхней палубы. И каждый день, без исключения, к воротнику формы нужно было пришивать свежий белый подворотничок. Это была святая обязанность каждого матроса. А если «не повезло», и ты попал в немилость к старослужащим, то приходилось подшивать воротнички не

только себе, но и «годкам» или «дембелям», которые считали ниже своего достоинства заниматься такой «мелочью». Этот маленький, но ежедневный ритуал был еще одним способом утверждения неписаной флотской иерархии.

В 07:00, после утреннего осмотра, раздавалась команда «На завтрак!». Экипаж или личный состав части направлялся на камбуз. Завтрак, как и любой прием пищи на флоте, проходил быстро, без лишних разговоров. Горячая каша, кусок хлеба с маслом, чай – простая, но сытная еда, дающая силы на предстоящий долгий и трудный день.

Едва успев проглотить завтрак, матросы уже спешили на следующее построение, которое начиналось в 07:30. Здесь происходило распределение нарядов на текущий день, ставились задачи. Кому-то предстояло заступить на вахту, нести службу на боевых постах, кто-то отправлялся на хозяйственные работы – чистить, красить, ремонтировать, – а кто-то заступал в караул, охраняя вверенные объекты. Каждый получал свое задание, и от его четкого выполнения зависела слаженная работа всего корабельного организма.

С 08:00 до 11:00 кипела работа и учёба. Для тех, кто еще проходил обучение в учебной части, это были часы специализированной учёбы, постижения премудростей своей будущей флотской специальности. Для остальных – время технического обслуживания корабля и его многочисленных систем, время бесконечных уборок, покрасок, мелкого ремонта. Здесь же проводились тренировки по борьбе за живу-

честь корабля, занятия по изучению устава, отработка строевых приемов и физическая подготовка. Жизнь на корабле не замирала ни на минуту. Одновременно с этим неслась вахта на боевых постах: на мостике, в машинном отделении, у радиолокационных станций – везде, где требовалось постоянное присутствие и бдительность.

Затем, с 11:00 до 12:00, наступало время обеда. Сытный, горячий обед был долгожданной передышкой в череде дел и забот, возможностью немного восстановить силы перед второй половиной дня.

А после обеда, с 12:00 до 13:00, наступал «адмиральский час» – святое время для отдыха. В этот час на корабле воцарялась относительная тишина. Матросы могли прилечь на свои койки, почитать книгу, написать письмо домой или просто подремать, набираясь сил перед новыми трудами. Этот короткий час отдыха ценился на вес золота, особенно после напряженного утра.

После короткого, но такого желанного «адмиральского часа» жизнь на корабле вновь входила в свою привычную колею. Ровно в 13:00 снова звучала команда на построение. На этом разводе на работы подводились итоги утренних трудов, ставились задачи на вторую половину дня, и матросы, получив новые указания, расходились по своим боевым постам и рабочим местам.

С этого момента и до самого вечера продолжались занятия или работы. Это могли быть специализированные трени-

ровки, обработка действий по боевой тревоге, продолжение несения вахт на постах, плановое техническое обслуживание корабельных систем и механизмов. Иногда проводились учения, максимально приближенные к боевой обстановке, или занятия в каютах, где матросы, сгрудившись вокруг стола, оттачивали свои знания и навыки, разбирая схемы или изучая инструкции. В дни, свободные от плановой учебы, на первый план выходили хозяйственные работы – уборка снега с палубы в зимнее время, мелкий ремонт помещений или оборудования, и, конечно же, бесконечная уборка своих боевых постов, которые должны были содержаться в идеальной чистоте и порядке.

В 18:00 раздавалась команда «На ужин!». После напряженного дня горячий ужин был особенно приятен. Матросы спешили в столовую, чтобы подкрепиться и немного отдохнуть перед вечерними мероприятиями.

С 19:00 до 20:30 наступало личное время, или, как его еще называли, время для культурно-массовых мероприятий. В эти полтора часа матросы могли немного расслабиться и заняться своими делами. Кто-то собирался на камбузе, где стоял единственный на весь экипаж телевизор, чтобы посмотреть новости или какой-нибудь фильм. Другие усаживались писать письма родным и близким, кто-то, если повезет, получал возможность позвонить домой. Были и те, кто предпочитал коротать время за настольными играми – шахматами, шашками или домино. Корабельная библиотека формально

существовала, но полки ее уныло украшали лишь труды Ленина, и желающих погрузиться в это чтение среди матросов не находилось. В 20:30 подавался вечерний чай – еще одна небольшая передышка, возможность выпить горячего чаю и перекинуться парой слов с товарищами перед вечерней поверкой. Иногда, по праздникам или особым случаям, в клубе части или прямо на корабле устраивались концерты силами самодеятельности или приезжих артистов, показывали кинофильмы. Не обходилось и без обязательного чтения свежих газет и проведения политзанятий, где матросам разъясняли текущую политическую обстановку и воспитывали в них чувство патриотизма.

В 21:00 – вечерняя поверка. Снова построение, строевая проверка личного состава, подведение итогов прошедшего дня, объявление благодарностей и взысканий. Это был своего рода отчет перед командованием и перед самим собой за прожитый день.

И, наконец, в 22:00 – долгожданная команда «Отбой!». На корабле гасли яркие огни, воцарялась тишина, прерываемая лишь мерным гулом работающих механизмов да скрипом переборок. Для «карасей» и «борзых карасей» это означало наступление короткого, но такого желанного сна. Но для «годков» и «дембелей», которые частенько отсыпались днем, пока «молодые» вкалывали, ночь только начиналась. Едва стихали последние звуки отбоя, как они, словно ночные тени, начинали свое брожение по кораблю. Кто-то на-

правлялся в галльон, чтобы спокойно, без спешки, привести себя в порядок, кто-то занимался своими «дембельскими» делами – подшивал парадную форму, мастерил сувениры в укромных уголках. Эта ночная жизнь старослужащих, скрытая от глаз начальства, продолжалась порой до часу ночи, а то и дольше, нарушая установленный распорядок и создавая свою, параллельную реальность на борту спящего корабля.

Месяц, отведенный на изучение устройства корабля, пролетел незаметно, в бесконечной зубрежке схем, инструкций и тактико-технических характеристик. Настало время экзаменов – сурового испытания, которое должно было показать, насколько новобранцы готовы стать полноценными членами экипажа.

Экзамены принимали командиры и мичманы различных боевых частей (БЧ) – суровые, знающие свое дело профессионалы, которых не проведешь ни шпаргалкой, ни заискивающей улыбкой. Артём, вместе со своим новым другом Бахой, таким же «карасем», как и он сам, ходил из каюты в каюту, от одного экзаменатора к другому, пытаясь доказать свои знания.

Некоторые экзамены давались относительно легко – если попадался понимающий мичман или тема была хорошо изучена. Но были и такие, которые становились настоящим камнем преткновения. Особенно сложным считалось сдать экзамен командиру БЧ-5, главному энергетнику корабля, отвечавшему за его «сердце» – силовую установку. Этот офи-

цер был известен своей дотошностью и требовательностью, и сдать ему с первого раза удавалось немногим.

Не менее грозным экзаменатором был и старпом. Он, помимо своих основных обязанностей, отвечал ещё и за отделение БЧ-1 – штурманскую боевую часть. Знание навигационного оборудования, морских карт, правил судоходства – всё это старпом требовал знать назубок, и любая ошибка или неточность в ответе могла стоить незадачливому «карасю» нескольких бессонных ночей, проведенных за повторением материала.

Глава 16: Дружба и «Лось»

Артём и Баха, поддерживая друг друга, упорно штурмовали эти бастионы знаний, пересдавая по несколько раз самые сложные зачеты. Каждый успешно сданный экзамен был маленькой победой, шагом на пути к заветной цели – стать настоящим моряком. И хотя путь этот был тернист и труден, они не сдавались, понимая, что от этих знаний зависит не только их дальнейшая служба, но, возможно, и жизнь всего экипажа в суровых условиях морского похода.

Судьба, или, вернее, воля корабельного начальства, определила Артёма и Баху в БЧ-5, в команду трюмных. Это была, пожалуй, одна из самых неблагоприятных, но в то же время жизненно важных специальностей на корабле. От их слаженной работы зависел комфорт и быт всего экипажа, а порой и сама возможность нормального существования на борту этого плавучего дома.

В их обязанности входило обеспечение корабля паром, горячей и холодной водой. Они следили за исправностью бесчисленных труб, клапанов и насосов, пронизывающих трюмы корабля, как кровеносные сосуды. От них зависело, будет ли в кубриках тепло в студеную зимнюю ночь и будет ли у матросов возможность принять душ после тяжелой вахты.

Они же отвечали и за безупречную работу гальюнов – этого неотъемлемого атрибута цивилизации, который на корабле, в условиях замкнутого пространства, приобретал особое значение. Любая неисправность в этой системе могла превратить жизнь экипажа в настоящий кошмар.

Но самой трудной, самой грязной и самой неприятной частью их работы была чистка фекальных систем. Эта адская работа, от которой воротили нос даже самые закаленные моряки, ложилась на плечи трюмных «карасей» со всей своей неотвратимостью. Вооруженные скребками, щетками и ведрами, они спускались в зловонные глубины корабельных недр, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование этой жизненно важной, хоть и малопривлекательной, системы. Это было настоящее испытание на прочность, проверка не только физических сил, но и морального духа. И те, кто проходил через это, не сломавшись, не пав духом, действительно заслуживали звания настоящего моряка.

Баха, в отличие от Артёма, был парнем крепким, сбитым, настоящим горцем, в чьих жилах текла горячая дагестанская кровь. Он не испытывал ни малейшего страха перед старо-

служащими, держался с ними уверенно, даже дерзко, и это не могло не вызывать у них определенного уважения, смешанного с опаской. Артём же, заметно похудевший за время учебки и первых месяцев службы, по-прежнему остерегался «годков» и «дембелей», старался лишний раз не попадаться им на глаза. Но рядом с Бахой он чувствовал себя гораздо комфортнее и увереннее – крепкое плечо товарища придавало ему смелости.

Многие старослужащие, видя в Бахе опасного противника, с которым лучше не связываться, предпочитали обходить эту парочку стороной, и Артёма тоже не трогали. Но полностью избежать конфликтов в такой напряженной, замкнутой среде было невозможно. Редко, но стычки всё же случались – из-за какой-нибудь мелочи, неосторожно брошенного слова или просто от скуки и желания самоутвердиться. И в этих стычках Баха всегда давал мощный, решительный отпор, не позволяя никому унижать ни себя, ни своего друга. Его кулаки были весомым аргументом, и вскоре даже самые отъявленные задиры поняли, что с этим дагестанцем шутки плохи. Это не сделало их жизнь абсолютно безоблачной, но, по крайней мере, давало им возможность держаться с достоинством и не быть мальчишками для битья.

Наблюдая за работой своих старших товарищей, Артём всё чаще задавался вопросом: почему в их трюмной команде всё устроено как-то иначе, не так, как в других боевых частях? Там, как он слышал, молодой боец «летает», то есть

вкалывает за себя и за «того парня», только первые полгода. А потом, когда приходит новое пополнение, можно расслабиться, переложить всю грязную работу на плечи свежеприбывших «карасей» и наслаждаться заслуженным отдыхом.

Но в трюмных всё было с точностью до наоборот. Здесь старшие – «годки» и даже «дембеля» – работали наравне с молодыми, а порой и больше. Они лазили по раскаленным отсекам, крутили тяжелые клапаны, устраняли протечки, возились с забившимися трубами. А «карасей», вроде Артёма и Бахи, на серьезные работы почти не ставили, ограничиваясь лишь уборкой помещений да мелкими поручениями.

Работа в трюмах была не только тяжелой, но и опасной. Бесконечные лабиринты труб, сотни клапанов и задвижек, высокое давление, раскаленный пар – всё это требовало не только физической силы, но и опыта, знаний, предельной внимательности. Одно неверное движение, одна ошибка – и можно было получить серьезное увечье, ожог, или даже спровоцировать аварию, которая поставит под угрозу жизнь всего корабля. Поэтому старшие, обладавшие необходимым опытом и знаниями, брали на себя самую ответственную и опасную работу, не доверяя ее неопытным «карасям».

Артём понимал это, и от этого понимания становилось не легче. Он видел, как тяжело приходится его старшим товарищам, и осознавал, что когда он отслужит свой год, когда наберется опыта и знаний, ему предстоит точно так же «вкалывать» (другого слова тут и не подберешь) в этих раскален-

ных, душных трюмах, неся на своих плечах груз ответственности за жизнь и безопасность всего корабля. Эта перспектива не радовала, но и не пугала. Это была просто суровая флотская реальность, к которой нужно было готовиться.

В один из дней Артём и Баха, под руководством своего мичмана, спустились в самое сердце корабля – в отсеки с охлаждающими установками. Мичман, старый морской волк, терпеливо объяснял им принцип работы этих сложных систем, показывал расположение основных узлов, рассказывал о возможных неисправностях и способах их устранения. Они внимательно слушали, стараясь запомнить каждое слово, ведь от этих знаний зависела их будущая служба.

Во время одного из таких «уроков» Артёму приспичило в туалет. Извинившись перед мичманом, он поднялся на матросскую палубу, где располагался ближайший галльюн. В узком проходе, ведущем к заветной двери, стояли двое «годков», о чем-то лениво переговариваясь. Артём, стараясь не привлекать к себе внимания, молча прошмыгнул мимо них, сделал свои дела и уже собирался так же незаметно вернуться обратно, как вдруг «годки» преградили ему путь.

– Эй, карась, ты что, совсем обнаглел? – враждебно прошипел один из них, тот, что был повыше и покрепче. – Мимо старших ходишь, как мимо пустого места? Ты что, не знаешь, что сначала надо сказать: «Добро пройти!», и только потом, если разрешат, двигаться?

Артём растерялся, слова застряли у него в горле. Он ни-

чего не ответил, лишь опустил глаза.

– Ставь «лося»! – коротко бросил первый «годок», и в его глазах блеснул недобрый огонек.

Артём знал, что это значит. В этот момент он предпочел притвориться слабым, не ввязываться в заведомо проигрышный конфликт. Покорно, без единого слова протеста, он скрестил руки у себя на лбу, ладонями наружу, готовясь к унижительной процедуре.

«Годок» размахнулся и со всей дури врезал ему по скрещенным рукам. Боль была такой силы, что у Артёма потемнело в глазах, искры посыпались, словно от короткого замыкания. Голова загудела, мир качнулся...

...И он снова очнулся на обломке корабля, качаясь на ледяных волнах Белого моря. Боль в руке, где еще недавно торчал обломок трубы, напомнила о себе, но она была ничто по сравнению с той унижительной болью, что он испытал мгновение назад, там, в душном коридоре корабля. Сознание его снова металось между прошлым и настоящим, не находя покоя, словно пытаясь собрать воедино осколки разбитой мозаики его короткой, но такой насыщенной событиями жизни.

Глава 17: Осколки Надежд

Ледяные волны Белого моря безжалостно швыряли обломок, на котором из последних сил держался Артём. Весь мокрый, продрогший до костей, он чувствовал, как холод сковывает его тело, отнимая последние остатки тепла. Раненая рука, из которой он выдернул кусок трубы, нестерпимо

болела и почти не двигалась, повиснув безжизненной плетью – поднять ее выше локтя было невозможно.

Кровь, которую он потерял, давала о себе знать слабостью, головокружением. Мучительный голод сводил желудок, а пересохшее горло жаждало хотя бы капли пресной воды. Ожоги и бесчисленные ссадины на теле горели огнем, каждая волна, захлёстывавшая его утлое убежище, приносила новую порцию страданий.

Но сквозь боль, холод и отчаяние в его сознании теплилась слабая, но упрямая искорка надежды. Он не мог сдаться. Он должен был держаться. Помощь обязательно придет, он верил в это, цеплялся за эту мысль, как утопающий за соломинку. Ведь не мог же он вот так, бесславно, сгинуть в этих холодных, безразличных водах. Он должен выжить. Ради себя. Ради тех, кто ждёт его на берегу. Эта мысль, слабая, как биение его измученного сердца, придавала ему сил бороться, не сдаваться, держаться до последнего.

Собрав остатки воли в кулак, Артём огляделся. Вокруг, насколько хватало глаз, на волнах качались другие обломки – свидетельства недавней катастрофы. Он должен был попытаться добраться до них, вдруг там найдется что-то, что поможет ему выжить.

Заметив неподалеку кусок доски, достаточно большой, чтобы служить импровизированным веслом, Артём, преодолевая боль в раненой руке, дотянулся до него. Теперь у него был хоть какой-то шанс управлять своим ненадежным пло-

том. Неуклюже, но упорно, он начал грести, направляя обломок от одного плавающего предмета к другому.

Он собирал все, что могло хоть как-то пригодиться: куски брезента, обрывки веревок, какие-то пластиковые контейнеры. Каждый найденный предмет, даже самый незначительный, казался ему бесценным сокровищем. Страшнее всего было обыскивать трупы своих товарищей, качавшиеся на волнах рядом с обломками. Но отчаяние и жажда жизни пересиливали ужас и отвращение. Он должен был использовать любой шанс.

Глава 18: Пища Отчаяния

И вот, в кармане одного из погибших он нащупал маленький, но такой важный предмет – пьезозажигалку. Сердце Артёма екнуло в надежде. Но радость была преждевременной. Зажигалка отсырела от морской воды. Пьезоэлемент исправно щелкал, но предательски не выдавал ни единой искры. Это было жестокое разочарование, еще один удар судьбы. Однако ему попался большой кусок непромокаемого брезента и несколько обломков легкого пластика. Это было немного, но он не сдавался. Даже без огня эти находки могли дать ему хоть какое-то укрытие и шанс продержаться еще немного.

Несмотря на постигшее его разочарование с зажигалкой, Артём не собирался сдаваться. Он сунул отсыревшую зажигалку себе подмышку раненой руки, прижав её к телу в наивной надежде, что тепло сможет хоть немного просушить

механизм и вернуть ему способность высекать искру.

Продолжая свой скорбный обход плавающих обломков, он вдруг заметил несколько консервных банок, тускло поблескивающих на поверхности воды. Голод с новой силой скрутил его желудок. Подгребая к ним своей импровизированной доской-веслом, он с жадностью вылавливал их одну за другой. Но и здесь его ждало разочарование – все банки, выброшенные взрывом или волнами с камбуза, оказались вскрытыми и пустыми.

Однако, присмотревшись повнимательнее, Артём заметил, что на стенках и в углах банок застыли белесые, похожие на парафин, остатки говяжьего жира. Это было немного, но в его положении и это казалось настоящим пиршеством. Дрожая от холода и слабости пальцами он выскребал эти жалкие крохи и жадно отправлял их в рот. Жир был холодным, безвкусным, но он давал хоть какую-то энергию, хоть какую-то иллюзию сытости. Это была пища отчаяния, но она помогала ему держаться, бороться за жизнь.

Едва Артём успел проглотить последние крохи говяжьего жира, как небо, до этого хмурое и серое, разверзлось холодным, пронизывающим дождем. Капли, крупные и тяжелые, барабанили по его обломку, по воде, по его измученному телу, смывая остатки тепла и надежды.

Он поспешно развернул найденный кусок брезента и, насколько позволяла раненая рука, закутался в него, пытаясь создать хоть какое-то подобие укрытия. Под этим хлипким

навесом стало немного суше, но холод пробирал до костей. Тогда Артём принялся дышать под брезент, пытаясь согреть небольшое пространство своим дыханием, создать хоть иллюзию тепла в этом ледяном аду. Каждый выдох был драгоценен, каждый глоток воздуха – на вес золота. Дождь лил не переставая, и Артём, сжавшись в комок под своим импровизированным укрытием, вслушивался в монотонный шум воды, борясь с холодом, голодом и подступающим отчаянием.

Закутавшись в мокрый, холодный брезент, Артём, изможденный до предела, постепенно проваливался в тяжелое, беспокойное забытье. Дождь монотонно стучал по его укрытию, убаюкивая, унося его сознание прочь от ледяных волн и беспросветного отчаяния. И во сне, как это часто бывало теперь, он вернулся в прошлое, в те дни, когда он был еще «карасем» на борту своего корабля, когда жизнь, хоть и была трудной, но всё же имела какой-то смысл и порядок.

Глава 19: Потеря Союзника

В этом сне он снова видел Баху – своего верного, отчаянного друга. Суровый, несгибаемый нрав Бахи, его горячая кавказская кровь не раз выручали их в стычках со старослужащими. Но на этот раз эта же несгибаемость сыграла с ним злую шутку. Одно дело – конфликтовать с такими же матросами-срочниками, пусть даже и старшими по призыву. Здесь действовали свои, неписанные законы, и всегда можно было найти какой-то выход, какую-то лазейку. Но Баха, в своей прямолинейности и нежелании прогибаться, умуд-

рился нарваться на конфликт с офицером. А это было уже совсем другое дело, здесь ставки были неизмеримо выше, и последствия могли быть самыми плачевными. Артём во сне с тревогой наблюдал за развитием этого конфликта, предчувствуя недоброе, но не в силах ничего изменить...

В корабельной среде, где слухи распространялись быстрее любого вируса, неукротимый нрав Бахи и его готовность дать отпор любому обидчику породили вокруг него ореол опасного, непредсказуемого человека. Срочники его откровенно побаивались, и это порождало не только уважение, но и зависть, и злословие. За его спиной шептались, распускали небывлицы, приписывая ему все мыслимые и немыслимые грехи. И эти слухи, как водится, рано или поздно доходили и до офицерского состава, формируя у них предвзятое отношение к строптивому дагестанцу. К тому же, нельзя было сбрасывать со счетов и застарелый, въевшийся в плоть и кровь армейской жизни, бытовой расизм, который нет-нет да и прорывался наружу в виде косых взглядов или обидных намеков.

Однажды, то ли по неопытности, то ли по какой-то другой, неведомой причине, Баха зачем-то поднялся на офицерскую палубу, куда матросам без особого на то разрешения вход был заказан. Его заметил молодой, но уже успевший хвататься командирских замашек, старший лейтенант. Вместо того чтобы спокойно сделать замечание, офицер, видимо, решив продемонстрировать свою власть, рявкнул на Ба-

ху в самой грубой, оскорбительной форме.

Для Бахи, с его обостренным чувством собственного достоинства, это было как удар хлыстом. Он не привык сносить оскорбления, тем более незаслуженные. Слово за слово, и словесная перепалка быстро переросла в открытый конфликт. Чем именно спровоцировал его офицер – то ли неосторожным словом, то ли пренебрежительным тоном, – но Баха, вскипев, не сдержался и вlepил обидчику звонкую оплеуху.

Это был уже не просто проступок, это было ЧП – нападение на офицера при исполнении. Дело немедленно было передано наверх, по инстанциям. Долго разбираться не стали – офицер всегда прав, а уж тем более в конфликте с матросом, да еще и «лицом кавказской национальности». Чтобы замять скандал и не портить статистику, Баху в срочном порядке, без лишнего шума, перевели в другую часть, другой город, куда-то подальше от глаз начальства и от греха подальше. Для Артёма это была тяжелая потеря – он лишился не только друга, но и надежной опоры в этом суровом, враждебном мире.

Глава 20: Неожиданный Шанс

Потеря Бахи, его единственного настоящего друга и защитника на корабле, стала для Артёма тяжелым ударом. Теперь он остался один на один с враждебным миром «дедовщины», и чувство незащищенности, которое он испытывал раньше, усилилось многократно. Но это же отчаяние, это

чувство загнанности в угол, как ни странно, придало ему и новую, отчаянную решимость. Он понял, что больше не может полагаться ни на кого, кроме самого себя, и что если он хочет выжить и сохранить хотя бы остатки собственного достоинства, ему нужно что-то менять, искать какой-то выход из этого замкнутого круга.

Дни тянулись в бесконечной череде изнурительной работы, уборок и унижений. Но Артём не сдавался. Он наблюдал, прислушивался, анализировал. Он искал любую возможность, любую лазейку, чтобы изменить свое положение, вырваться из этого болота. И вот однажды, подловив момент между одной бесконечной работой и другой, когда большинство старослужащих были заняты своими делами, он решился на отчаянный шаг. Собрав всю свою смелость в кулак, он направился в каюту командира службы снабжения. Это был рискованный шаг, но Артём чувствовал, что терять ему уже нечего. Он должен был попытаться.

Подойдя к алюминиевой двери каюты, Артём на мгновение замер, собираясь с духом. Затем, неуверенно, он постучал.

– Разрешите войти, товарищ старший лейтенант? – его голос дрогнул, но он старался говорить как можно тверже.

– Да, да, заходи, – донеслось из-за двери.

Артём толкнул дверь и шагнул внутрь. За столом, заваленным какими-то бумагами, сидел молодой офицер – старший лейтенант Макаров, командир службы снабжения. Это

был приятной наружности мужчина, лет двадцати пяти, с открытым, располагающим лицом и добрыми, немного наивными глазами, которые как-то не вязались с суровой флотской формой.

И в ту же самую минуту, едва Артём успел закрыть за собой дверь, произошло нечто неожиданное. Накопившееся за всё это время напряжение, страх, унижение, тоска по дому, по нормальной человеческой жизни – всё это разом прорвалось наружу. Слезы, горячие, жгучие, хлынули из его глаз неудержимым потоком. Он зарыдал, затрясся всем телом, как ребенок, не в силах сдержать душасщие его рыдания. Это было совершенно непроизвольно, он не пытался никого разжалобить, не пытался манипулировать. Просто в присутствии этого человека, с его добрыми глазами, в этой тихой, отделенной от остального корабельного мира каюте, он вдруг почувствовал, что здесь это можно, здесь его поймут, здесь его не осудят. Это было как прорвавшаяся плотина, и остановить этот поток было уже невозможно.

Старший лейтенант Макаров, увидев такое неожиданное проявление чувств от молодого матроса, не остался равнодушным. Он не стал смеяться или ругаться, а наоборот, по-человечески участливо предложил Артёму стакан воды, стал успокаивать его, говоря какие-то ободряющие слова.

Постепенно Артём успокоился, слезы высохли, и они смогли поговорить как двое взрослых людей. Удивительно, но этот эмоциональный срыв, эта минута слабости, не толь-

ко не повредила Артёму, но, наоборот, словно растопила лед недоверия и стала ключом к дальнейшему взаимопониманию. Офицер, видимо, разглядел за этой внешней уязвимостью нечто большее, чем просто сломленного «карася».

В ходе разговора Артём, осмелев, рассказал Макарову, что до армии он учился в кулинарном ПТУ и даже имеет диплом повара. Эта информация, казалось бы, не имевшая никакого отношения к его нынешней службе трюмного, неожиданно заинтересовала офицера.

– Повар, говоришь? – Макаров с любопытством посмотрел на Артёма. – Ну-ка, проверим твои знания. Скажи-ка мне, боец, какой выход блюда, то есть вес одной порции, у рагу овощного с мясом?

Артём, не задумываясь ни на секунду, четко ответил:

– Четыреста пятьдесят восемь граммов, товарищ старший лейтенант.

Макаров удивленно поднял брови. Он встал из-за стола, подошел к книжной полке, достал оттуда какую-то потрепанную книгу – видимо, сборник рецептур или кулинарный справочник, – полистал её и, найдя нужную страницу, прочитал вслух:

– Рагу овощное с мясом – выход четыреста двадцать – четыреста шестьдесят граммов.

Он посмотрел на Артёма с нескрываемым восторгом.

– Невероятно!

Артём лишь скромно пожал плечами. Знания, получен-

ные в ПТУ, неожиданногодились ему в самой что ни на есть экстремальной ситуации. Макаров был явно впечатлѐн. С этого дня он стал относиться к Артѐму с особым уважением и в дальнейшем, в разговорах с другими офицерами или матросами, частенько называл его не иначе как «повар шестого разряда», что, конечно же, было шуткой, но шуткой весьма лестной для молодого матроса. Этот маленький эпизод стал поворотным моментом в службе Артѐма, открыв перед ним новые, неожиданные перспективы.

Что именно происходило за кулисами этой маленькой корабельной драмы, какие рычаги задействовал старший лейтенант Макаров, Артѐм, конечно же, не знал. Он по-прежнему числился в БЧ-5, в подчинении у своего сурового и неразговорчивого командира, и продолжал нести нелегкую службу трюмного. Но что-то неуловимо изменилось в его положении.

Макаров, видимо, проникшись к Артѐму искренней симпатией и оценив его неожиданные таланты, решил взять его под свое крыло. Он не мог просто так, в одночасье, вырвать матроса из одной боевой части и перевести в другую – это требовало согласований, рапортов, и прочей бюрократической волокиты. Но он сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить участь Артѐма и, в конечном итоге, перевести его в свою службу снабжения.

Возможно, он поговорил с командиром БЧ-5, убедив того, что от Артѐма будет больше пользы на камбузе, чем в трюме.

Возможно, он использовал свои связи в штабе, чтобы ускорить процесс перевода. Как бы то ни было, но вскоре Артём с удивлением узнал, что его переводят из трюмной команды в службу снабжения, под непосредственное начало старшего лейтенанта Макарова. Это была настоящая удача, почти чудо. Для Артёма это означало не просто смену специальности, это означало новую жизнь, новые надежды и, возможно, шанс избежать тех ужасов, которые ему пришлось бы пережить, останься он в БЧ-5.

Глава 21: На «Гарсунке»

Весть о переводе, словно попутный ветер, наполнила паруса души Артёма новой надеждой. Собрав свои нехитрые матросские пожитки из тесного, пропахшего машинным маслом кубрика трюмных, он с легким сердцем покинул это мрачное царство труб и клапанов. Его новый дом теперь располагался палубой выше – на мичманской палубе, где находились кубрики службы снабжения.

Этот, казалось бы, незначительный переход – всего лишь на одну палубу вверх – был для Артёма настоящей победой, символом освобождения от тяжелой, грязной и опасной работы. Он словно поднялся из трюмного ада в какой-то подобие рая. Новые соседи, новая обстановка, новые обязанности – всё это вселяло в него оптимизм и веру в то, что худшее уже позади.

И теперь он с гордостью носил новую, «должность» – кок и кладовщик. Старший лейтенант Макаров, видя его непод-

дельный интерес к кулинарному делу и ценя его знания, решил использовать его таланты по полной. Это была ответственная, но гораздо более интересная и «чистая» работа, чем та, что ему приходилось выполнять в трюме. Он чувствовал себя на своём месте, и это придавало ему сил и уверенности в завтрашнем дне.

Первым местом, где Артём смог применить свои кулинарные познания уже в официальном качестве, стала Кают-компания «Гарсунка» – столовая для офицеров и мичманов. Это было особое место на корабле, располагавшееся на уровне офицерской палубы и разительно отличавшееся от общей матросской столовой.

Помещение «гарсунки» было хитроумно разделено на три части. С одного борта располагался зал для офицеров – более просторный и лучше обставленный. С другого борта – помещение поменьше, предназначенное для мичманов. А посередине, между этими двумя залами, находилась небольшая, но хорошо оборудованная кухня – своего рода дополнительный, элитный камбуз, где и предстояло трудиться Артёму.

Здесь всё было по-другому: иная посуда, иные продукты, иные требования к качеству блюд. Работа на «Гарсунке» требовала не только кулинарного мастерства, но и особой аккуратности, расторопности и умения угодить взыскательным вкусам офицерского состава. Для Артёма это было настоящим испытанием, но он с энтузиазмом взялся за дело, стара-

ьясь оправдать доверие старшего лейтенанта Макарова и доказать, что он действительно «повар шестого разряда».

Однако радужные ожидания Артёма от новой службы быстро столкнулись с суровой реальностью флотской «дедовщины», которая, как оказалось, процветала и здесь, в «элитной» «гарсунке». Помимо него, на этом маленьком камбузе трудилось ещё трое срочников – все «годки», уже отслужившие свое и считавшие ниже своего достоинства утруждать себя какой-либо работой.

Вся тяжесть обслуживания офицерской и мичманской столовых легла на плечи Артёма. Его рабочий день начинался задолго до общего подъема, в пять утра. Первым делом нужно было сварить на завтрак компот из сухофруктов – традиционный флотский напиток. Затем – накрыть столы в обоих залах, расставить посуду, приборы, салфетки, соблюдая все правила сервировки. После завтрака – горы грязной посуды, которую нужно было перемыть, полы в обоих залах и на камбузе, которые требовали тщательной уборки. И всё это приходилось делать ледяной водой, так как горячую воду на корабле давали только по субботам, в банный день. Единственным помощником Артёма в этой неравной борьбе с грязью был кусок жесткого, но такого незаменимого хозяйственного мыла.

Основные блюда на обед и ужин готовились на общем, большом камбузе. Артёму приходилось таскать оттуда тяжелые баки с едой, затем разливать её по тарелкам и выдавать

через специальное окошко в зал. В офицерском зале один из «годков» изображал из себя официанта, лениво разнося тарелки и принимая заказы. В мичманском зале ту же роль выполнял другой «старослужащий». А третьего «годка» Артём видел только тогда, когда тот являлся пообедать или поужинать. Всё остальное время этот «воин» либо «качался» где-то в спорткаюте, наращивая мышечную массу, либо просто спал, либо занимался какими-то своими, никому не известными, делами. На работу у него, естественно, времени не оставалось.

Артём четыре раза в день – после завтрака, обеда, ужина и вечернего чая – в одиночку, холодной водой и хозяйственным мылом, перемывал горы посуды, драил полы в двух залах и на камбузе, поддерживая идеальную чистоту и порядок. Работа была изнурительной, но он, как ни странно, справлялся, находя в себе какие-то скрытые резервы. Время, заполненное до отказа этой бесконечной работой, летело незаметно.

Иногда, в редкие минуты отдыха, когда удавалось присесть и перевести дух, Артём, глядя на свои огрубевшие, но сильные руки, думал, что эта адская работа развила в нём какие-то сверхспособности. Он чувствовал, что стал выносливее, сильнее, научился справляться с огромными нагрузками и не падать духом. И эти мысли порождали в нём наивные, но такие желанные мечты о будущем. Он представлял, как вернется домой, на гражданку, и, обладая такой неверо-

ятной работоспособностью, устроится сразу на три работы. Он будет трудиться не покладая рук, и тогда уж точно заработает много денег, сможет помочь матери, купить себе все, о чем мечтал. Эти мысли, как спасательный круг, помогали ему держаться на плаву в этом море тяжелой, монотонной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.